

Берик САГЫНДЫКОВ

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ РАЗНОРОДНЫХ СООТВЕТСТВИЙ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Мақалада түркі тілдеріндегі әр текті сәйкестіктердің даму тарихы баяндалады.

Makalade, Türk dillerinde farklı köklü uygunlukların gelişim tarihinden sözedilir.

Из истории исследования соответствий л ~ ш, р ~ з и й ~ дж ~ ж ~ д ~ т ~ г ~ з ~ д'з' (дзь) ~ р. большинство алтаистов и тюркологов при сравнении и сопоставлении между собой тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков соответствия л ~ ш, р ~ з, обнаруживающиеся в середине и в конце слова, рассматривают их в весьма тесной связи. И некоторые другие ученые считают однородными по происхождению соответствия р ~ з и встречающиеся в той же позиции в тюркских языках й ~ дж ~ ж ~ т ~ д ~ г ~ з ~ д'з' (дзь). В силу этого нам придется рассматривать эти три разных по природе соответствия вместе.

Среди тюркских языков чувашский язык по своей фонетической структуре занимает несколько обособленную позицию. С.Е.Малов этот язык относит к числу самых древних языков ввиду того, что в нем встречаются много архаических элементов, которые считаются реликтами древних эпох. [1.6-7]. Соответствие л ~ ш является одним из тех, что сохранило исторический признак подобного рода особенностей. Например, в чувашском языке хел (зима) в других тюркских языках произносится в виде “кыш”, “кыс”. А так же: чул (камень) - *таш, тас, даш, даш; алак (дверь) – эшик, есік, ишик; илт (слышать) - ешит, есіт, ишит, ишіт; утмал (шестьдесят) – алтмыш, алтмыс* и др.

В чувашском языке, по сравнению с другими тюркскими языками, наряду с соответствием л ~ ш, встречается и другое соответствие р ~ з. Например, в данном языке слово вакар (бык) в родственных языках произносится в форме *окуз, өгуз, үгіз*. Кроме того *хуран* (котел, казан) - *қазан; салтар* (звезда) - *йолдыз, йолдоз, жылдыз, жулдыз; самар* (жирный) - *семіз, симіз, һиміз; хур* (утка) - *қаз, каз, қаз, газ, гоз; йекер* (парный, близнецы) - *екиз, игіз, эгиз; сер* (лицо) - *йүз, йөз, жүз; тах* (х) ар (девять) – *тоқуз, тугыз тоғыз* и др. [2.320-323].

Исследователями, особое внимание обратившими на эти соответствия, были немецкие ученые И.Клапрот и В.Шотт. Это фонетическое явление, открытое в XIX в., имело принципиальное значение для науки: тюркские языки делились на две части как л- и р- группа (чувашский язык) и ш- и з- группа (другие языки, кроме чувашского). С другой стороны, это было фактом, сближающим чувашский язык с монгольским языком, в большинстве

тюркских языков слова, произносимые через ш, з, в монгольском языке как и в чувашском, произносятся через р, з. Об этом Н.К.Дмитриев писал следующее: “Итак, закономерное соответствие между р и з отделяет чувашский (и вместе с ним монгольский) языки, как группу р, от других тюркских языков, как группы з. Соотношение частей здесь, таким образом, получается такое же, как в отношении соответствия л/ш. Первое явление довольно давно получило наименование “закона ротацизма”, а второе “закона ламбдаизма” [2.322]. Данное мнение поддерживает и финский ученый М.Рясянен: “История развития древних г и l в конце слова важна постольку, поскольку на ней основывается разделение тюркских языков на две резко отличающиеся друг от друга группы, которые можно назвать z и r языки” [3.25].

При определении механизма истории соответствий л ~ ш, р ~ з алтаисты и тюркологи столкнулись со сложным и трудным вопросом. Прежде всего они должны были решать: которое из этих соответствий представляется первичным в хронологическом аспекте - л и р или ш и з? Одни ученые эти соответствия признали как параллельные испокон веков, а другие л и р в чувашском, монгольском языках считали возникшими раньше во времени. Нашлись и такие, которые з и ш в тюркских языках считали, наоборот древними. Если будем говорить словами, например азербайджанского ученого А.З.Абдуллаева, то выходит, что “...по вопросу р ~ з в алтаистике существуют три точки зрения:

1) р//з (Клапрот, Шотт, Ашмарин и др); 2) р>з (Рамstedт, Дмитриев, Поппе и др.); 3) з>р (Богородицкий, Радлов, Гомбоц, Бенцинг, Серебренников и др.)” [4.36]. Эти точки зрения имеют отношение, конечно, и к соответствию л ~ ш.

Видный алтаист Г.И.Рамstedт обосновал, что л и р в монгольских, тунгусо-маньчжурских языках и в чувашском среди тюркских языков употребляются с незапамятных времен, что с течением времени они во многих тюркских языках перешли в з и ш. Как это произошло такое изменение в одной группе этих языков автор объясняет таким образом: “Если тюрк. \check{s} =чув. s' =монг. \check{s} , тунг. s вполне естественно восходит к \check{s} , то тюрк. \check{l} =чув. l =монг. l =тунг. l должны произойти от какого-то l звука. Но, с другой стороны, если чув. l , монг. l соответствует тюркскому l , восходящему к $*l$, то следует предположить, что исходным звуком тюрк. \check{l} был палатальный $*l$. В случаях когда тюрк. z = монг. r = чув. r по тем же причинам следует реконструировать $*r$, наряду с которым существовал r , представленный как в тюркских, так и в других языках”. Таким образом:

1. $*l = l$ (во всех языках)
2. $*l =$ монг. тунг. $l/i, il$, дотюрк. $*l' >$ чув. l . протобулг. l , тюрк. \check{l} ; (венг. l);
3. $*r=r$ (во всех языках);

4. *r = монг., тунг. r (rī, ir), дотюрк. *r > чув. r, протобулг. r', тюрк. z; (>венг. r).

В свете этих предположений становится ясно, почему на западе (чувашский и древнетюркские заимствования в венгерском языке), на севере (якутский, но редко) и на востоке (монгольский, китайский, тунгусский и другие языки) в словах и окончаниях имеется l (< *l') и r (< *r'), тогда как в тюркских языках в ограниченном районе Центральной Азии отмечается сепаратное развитие, результатом которого явилось š (< l') и z (< z')" [5.70]. Значит, по мнению Г.И.Рамstedта, в алтайских языках имели место обычное r и l и палатальные r' и l'. Палатальные r' и l' в тюркских языках постепенно превратились в ш и з.

Преобладающее большинство тюркологов, монголистов и алтаистов, данное научное предположение Г.И.Рамstedта поддержало и взяло за руководство. Один только Н.Н.Поппе сомневается в палатальности л, хотя он и признает, что л произносится двояко, со своей стороны предполагает возможность, что л может быть не палатальным, а глухим спирантом. К такому предположению Н.Н.Поппе присоединяется и Б.А.Серебрянников, одновременно внося туда несколько изменений [6.16]. Однако данное мнение автора относится только к соответствию л ~ ш, а на соответствие р ~ з взгляды его – противоположные.

Один из авторов солидной работы "Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика" К.М.Мусаев на вопрос как и каким образом сонорный л перешел в щелевой ш в тюркских языках, отвечает следующим образом: "Соответствие l ~ š явление, отмеченное не только в тюркских или алтайских языках, оно характерно и для ряда индоевропейских языков, в частности переход l > š – распространенное явление в языках, относящихся к испанскому ареалу в Испании и Америке.

Соответствие l > š может иметь в разных языках разные исторические пути. В диалектах испанского языка переход l > š имеет довольно длинный путь: сначала происходит переход l > j – разница между l, j небольшая. При артикуляции l средняя часть спинки языка поднимается к твердому небу, бока языка опущены и воздушная струя проходит по сторонам, тогда как при j щель образуется по средней линии прохождения воздушной струи, а бока языка подняты к небу. Следующая ступень развития - j > ž - кстати, явление широко распространенное в тюркских языках. Третья ступень – образование глухого или оглушенного варианта, а наконец – процесс оглушения ž > š. Таким образом, весь путь перехода l > š выглядит так: l > j > ž > š. Теоретически вполне допустимо соответствие l > š, которое может явиться также крайним звеном в цепи l ~ v ~ z ~ s ~ š.

Звуки L и Š по месту образования очень близки и возможны взаимные переходы, поскольку в ряде слов они фонологически не противопоставляются" [7.11, 359].

Конечно, это сугубо теоретический вывод, сделанный на основе фактов иной системы языков. Имеющиеся у нас в руках языковые данные показывают, что пути развития соответствия $л \sim ш$ совсем иные. Более того, мы на основе специального анализа доказали о невозможности перехода сонорного $й$ в щелевой $ж$.

Теперь приведем мнения ученых, которые были категорически против позиции изменения $л$ и $р$ в $ш$ и $з$. Первым, высказавшим предположение о том, что $ш$ и $з$ в тюркских языках представляются значительно древними, чем $л$ и $р$ в монгольских, тунгусо-маньчжурских и чувашском языках, был татарский ученый В.А.Богородицкий. О возникновении соответствия $р \sim з$ он делает такое заключение: “ j_2 : тат. **айақ** - “нога”, якут. **атах** \neq тувин. **адақ** \neq караг. **адак** \neq хакас., с присоединением шорского, **азақ** \neq в прочих диалектах Сибири, **ајақ** \neq тюрк., уйг., джагат. **адақ**, полов. **ајақ** /// чув. **ура** \neq монг. **адау** в значении “конец, последний”.

Спрашивается, какое же звуковое значение нужно предположить для фонемы j_2 ? Ввиду наличия рефлексов $д, з$ предполагают $υ$ (межзубной звонкий спирант, несколько отличающийся от зубного $з$), давшие в монгол. $д$, а в чувашском перешедшее в $р$, т.е. как и $з$, вследствие чего в чувашском произошла конвергенция трех староалтайских фонем: $VpV, VzV, VdV \rightarrow VpV$ [8.107-109].

Сбивчивый вывод об однородности происхождения соответствия $р \sim з$ в середине, в конце слова и соответствия $й \sim дж \sim ж \sim д \sim г \sim д'$ был порожден из этой же гипотезы В.А.Богородицкого (об этом мы будем говорить несколько ниже – Б.С.).

Итак, о соответствии $л \sim ш$ он пишет таким образом: “Языки чувашский и монгольский показывают, что тюркский $ш$ имеет двойное происхождение, как можно заключить по соответствиям в этих языках.

Тат. *баш*. - “голова” \neq чув. *пүс, нос*;

тат. *таш*. - “камень” \neq чув. *т'ул* = монг. *чила* = *γун*” [7.280].

Последователи ученого не всегда вспоминают это заключение, поскольку оно было сказано с практической точки зрения.

Вывод В.А.Богородицкого о соответствии $р \sim з$ полностью поддерживает К.Г.Менгес: считает архетипом $υ$ ($д'з'$). Он выдвигает формулу для чувашского языка – $υ > з > г$, для якутского языка – $υ > з > т$, для других тюркских языков $υ > j$ [1984; 9, 280].

Мнение М.Рясянена созвучно с вышесказанными: “Звуки $*υ, *υ'$ существовали, по всей вероятности, еще в урало-алтайском праязыке, во всяком случае, в уральских языках наличие этих звуков признается уже всеми. В алтайском праязыке этим звукам соответствовали l (r) или d (t)” [3.141].

Немецкий ученый И.Бенцинг превращение общетюркского $з$ в чувашский $р$ старается доказать на основе конкретных фактов. Он подвергает анализу процесс превращения слова “базз” (бязь) в арабском языке, в форму

пир (бязь) в чувашском языке, слова “шаһ-науаз” (улыбающийся царю) в персидском языке в форму “Шеневер” (имя собств.), слова “коз” (ель) в форму хыр (~ хыра). Таким образом, делает вывод о том, что переход з в р в чувашском языке совершился после X в. [5.65-66].

Подчинение (прилаживание) заимствованных из других языков слов закономерности родного (заимствующего) языка – общеизвестная аксиома. С этой точки зрения переход з в других языках в р в чувашском языке закономерен. Этот факт не может помочь в определении генезиса р ~ з.

А. М. Щербак специально указывает на то, что ротацизм и ламбдаизм в чувашском языке появились в последнюю эпоху.

По его мнению, аллофоны пратюркских фонем с и ш под влиянием многочисленных позиционно-комбинаторных моментов превращаются в р и л. Глухие с и ш в односложных словах озвончаются после любого гласного. А потом ослабляясь, постепенно превращаются в сонорные согласные [9.85-87].

Б.А.Серебренников – один из ученых, обративших внимание на соответствие р ~ з. – так обосновывает механизм изменения з в р: “Предположение о первичности г в чувашском построено без учета основных тенденций развития чувашского консонантизма. Одна из наиболее характерных особенностей развития чувашского консонантизма состоит в стремлении к ослаблению смычки, в соответствии с чем, например, древний задненебный q в чувашском языке превратился в х...; Древний ċ в чувашском языке превращается в s’...”

Подпав под действие закона дальнейшего ослабления щели затвора, исконный z мог бы дать г, так как несмотря на артикуляционную сложность г степень раскрытия затвора у г больше, чем у z” [10.64].

Б.А.Серебренников, доказывая свою теорию, опровергает предположение Г.И.Рамстедта: “Г.Рамстед, предполагавший наличие в общетюркском праязыке двух типов г и l, сравнивая его формулу г и г’, l и l’, не учел одного очень важного обстоятельства... Каким же образом можно себе представить наличие палатализованного г в таких архетипных словах, как *qur’, “девушка”, *qar’ “гусь” и т.д. или наличие палатализованного l в архетипных словах типа *tal “вне”, ср. чув. туl “вне”?”

Палатализация г и l в этих условиях вообще невозможно. Неувязки здесь совершенно очевидны. Условия, постулируемые Г.Рамстедтом, не могли привести к образованию з и ш из г и l у основ с заднерядным вокализмом. Дальнейшая аргументация Рамстедта также не выдерживает критики” [6.16].

Так, Б.А.Серебренников, напоминая о невозможности переднерядных гласных следовать за заднерядными гласными в тюркских языках, открыто говорит о допущении финским ученым заметных недостатков. Наоборот, он твердо верит, что консонантизм чувашского языка дает возможность общетюркскому з в превращении в р.

Было написано несколько статей с возражением против последователей В.А.Богородицкого. Среди них доказательства весомы у татарского ученого Р.Г.Ахметьянова. Он, опираясь на многочисленные этимологические изыскания, находит *р* архетипом в монгольском, тунгусо-маньчжурском, чувашском языках. Между тем он не мог объяснить, как этот *р* превращается в *з*. Вообще, аргументы признающих *р* и *л* первичными перевешивают. Может быть, отсюда получилось, что сторонников Г.И.Рамстедта больше, чем у В.А.Богородицкого.

Провозглашающие, что в чувашском языке *р* появился из общетюркского *з*, застряли в таком логическом противоречии: когда мы признаем происхождение *ш* из общеалтайского *л*, почему бы не признать происхождение *з* из аналогичного качества *р*? Во-вторых, представители противостоящих двух групп не приняли во внимание то, что в алтайских языках в незапамятные времена, когда последнюю позицию в односложных корнях занимал сонорный согласный, два согласных могли оказаться рядом. Например, *бұлт* (туча, облако), *күрт* (червь, червяк), *дүрс-дүрс* (грохнуть, грохот), *тарс-тарс* (трескотня, стук, бряк) и др.

Ниже мы объясним все то, что кроется именно в этом сочетании согласных.

Новое предположение о соответствии Р ~ З и Л ~ Ш. Чередование звуков существует в любом языке. И тюркские языки не обделены соответствиями: *т ~ д*, *с ~ з*, *с ~ ш*, *ш ~ ж*, *к ~ г*, *к ~ т*, *н ~ ц*, *п ~ б* и др. В каждом конкретном языке почти девять из десяти соответствий – генетические (однородные). Звук *д* образовался из *т*, звук *з* – из *с*, звук *г* – из *к* (и т.п.). Отсюда возобладал над тюркологами закостенелый стереотип о том, что когда звуки соответствуют друг с другом в разных вариантах слова, то одна фонема в обязательном порядке должна происходить из другой”. Об этом свидетельствует то, что тюркологи, разделившись на две группы, считают, что мол, *з* образовался из *р* или наоборот, *р* образовался из *з*. Насколько отличается природа человека от природы животных, настолько и природа *р* отличается от природы *з*. *Р* образуется путем перемежающегося смыкания и размыкания передней части языка с верхними зубами, что заставляет кончик языка дрожать, поэтому он – дрожащий переднеязычный *сонорный*. *З* образуется путем приближения передней части языка к верхним зубам, он – шумный щелевой переднеязычный *звонкий*. Сонорный *р* никогда не переходят в *з* или звонкий *з* – в *р*. Считать, что они переходят друг в друга, – значит поддаваться влиянию вышеуказанного стереотипа. Мы считаем весьма уместным следующее мнение лингвиста Ж.Аралбаева: “Одной причины (фонетических изменений) нет, что их большое число, и “ошибка” многих исследователей, занимавшихся этим вопросом, заключается как раз в том, что они искали одну причину фонетических изменений, желая подвести под нее все особенности языка [11.107-108].

Какими путями и как образовалось соответствие *р ~ з*? Не так-то легко, конечно, отвечать на это. Известно, что в казахском языке варианты “дүз”,

“жүз” (число - “сто” и глагол “плавать”) образуют соответствие д ~ ж. В тюркологии найдено решение этого вопроса: деление на две части аффрикаты дж дает две фонемы д и ж, следовательно: дж < ^д_ж // (джүз ~ дүз ~ жүз). В течении долгих веков не только аффрикаты, но и сочетания звуков имеют возможность делиться на две части. Собственно говоря, вполне возможно, что наше так называемое соответствие р ~ з появилось в результате распада словосочетания рз, но имеется ли все-таки свидетельство, способное доказать это?

К счастью, сохранились, хотя и незначительные, языковые факты. Приведем их изложение.

Арсал - “рыжий”; *арсал сач* (рыжие волосы) [12.55].

Слово “арсал” в древнетюркском языке передает в казахском языке понятие рыжий как “кызыл-сары”. “Арсал” - слитное слово: **арс+ал**. Думаем, что звуки с, т в начале слова древних времен часто выпадали, что форма “ал”, образованная путем сокращения из сочетания “оттың жалыны” (пламя огня) передает понятие “кызыл” (красное). Тогда древнетюркское слово “арсал” сначала имело форму ***сарс+ал** и означало следующие значения: “сарс” - “сары” (жёлтое), “ал” - “кызыл” (красное). Отсюда выходит, что сочетание звуков **рс** представляет собой исторический факт. Общеизвестно, что звук **р** сохранился в составе слова “сары”, а что случилось со звуком **с**? Казахи “глину, глинистую почву” называют “саз”: *“Ішіндегі ересегі он-он екі жаста, саз бет сары Габбас қазірдің өзінде тоқты ұрлап әкеле береді”* (Ғ.Мұстафин. “Көз көрген”) [13.95]. Подчеркнутые слова: букв “глинолиций рыжий” Габбас). Из сочетания “сары топырак” (глина) способом метонимии появилась лексема “саз” (глина). Значит: *сары* ~ саз параллель: < сарз.

сарыл – “долго ожидать, томительно ожидать”;

сарсыл – “томительно ожидать не шевелясь, не двигаясь, в одном положении и в одной позе, утомляться”;

сарсы – “оставаться без движений”;

саргай – “ожидать долго, утомительно, устать от ожидания”.

Основу этих глаголов составляет **сар**. Сочетания звуков **рс** в одном случае сохранилось, а в другом – нет. И это может быть доказательством того, что слова “сары” когда-то произносилось в виде * **сарс**.

көрсет- “указать, показать”;

көрші- “сосед, живущий по соседству, соседний”;

көр – “видеть, увидеть”;

көз – “глаз, око”;

көріп – “показаться, являться”;

көзүн – “казаться, показаться, виднеться” [12.321].

Глагол “көрсет” – с точки зрения современных языков делят на **көр+сет** – считают, что “көр” – корень, “сет” – аффикс. С исторической точки зрения: **көрс+ет-** (о вспомогательном глаголе мы изложим в следующей статье – Б.С.).

“Көрші” > “көрші+і” (сосед). Данное слово и другое древнетюркское “көзүн”- свидетельствуют о том, что основа *көрс некогда разделилась на две части как “көр” и “көз” (ср. “казаться” [“көрину” - с тем же значением] в русском языке).

чер (чув.) - “колени” [14.78].

тізе (каз.) - “колени”;

тірсек (каз.) - “сухожилие в ногах у животных (в задних ногах) и человека”. Эти три слова, несмотря на незначительные семантические различия, передают одно основное значение – “тізе” (колени): вряд ли можно усомниться в наличии соответствия с ~ з, если так, то:

Тірсек | →чер
 | →тізе

каууз (др. - тюрк.) - “перо птицы” [14.66];

кауырсын (каз.) - “перо (птицы)”.

Слово “кауыз” (кауырсын) в древнетюркском языке укоротилось под влиянием закона речевой экономии, слово “кауырсын” в казахском сохранила сочетание звуков **рс**.

борзая – “охотничья собака с острой длинной мордой и длинными тонкими ногами” в переводе на каз. язык – “тазы ит” [15.67];

бор - “мел, мелкий белый прах, вид извести”;

боз - “белый, беловатый, беловато-серый (масть животных)”.

Если примем во внимание то, что масть “тазы” (борзая) в основном бывает **боз**, то выходит, что слово “борзая” (тазы ит - то же самое по значению) в русском языке считается заимствованным из тюркских языков, но мы не могли найти в словарях пометы “тюркское слово”. Возможно, оно (это слово) вошло в русский давно, в очень древние времена. Если определенно будет установлено, что оно - на самом деле исконно тюркское, а не случайное соответствие, то мы должны признать факт о разделении *борз = на две формы как “бор” и “боз”.

Конечно, если попытаться найти во всех тюркских языках и их диалектах, в монгольском, тунгусо-маньчжурском языках подобные примеры, то их найдется, безусловно, множество. Но чтобы доказать наше мнение, достаточно, как мы считаем, и вышеуказанных сведений.

У соответствия **р ~ з** имеется еще одна заковычка: “В пределах общих тюркских языков соответствие **р ~ з** употребляется значительно шире: встречается в виде **р ~ д//т ~ з//ж ~ й** [16.34]. Тогда это значит, что сонорный **р** чередуется не только с **з**, но и со звуками **т, д, ж, й**.

Акустико-артикуляционная природа у сонорного **р** совершенно иная, чем у согласных **т, д, ж, й**. Это – *случайное соответствие*. Придется перечислять нижеследующие лексемы, чтобы объяснить историю подобного сложения (соответствия) этих согласных.

берт+ін+де – “недавно, позднее, за последнее время”.

жұм+ырт+ка – “яйцо”,

том+ырт+ка – “напиток, предназначенный для утоления жажды, прохладительный напиток, охлажденный путем смешения снега, льда”;

сын+ырт+кы – “метла”;

шег+ірт+ке – “саранча”;

ом+ырт+ка – “позвонок, позвоночный столб”;

күм+ырс+ка – “муравей”;

жоң+ырш+ка – “люцерна”;

шем+ірш+ек – “хрящ”;

каб+ырт+ка – “ребро”;

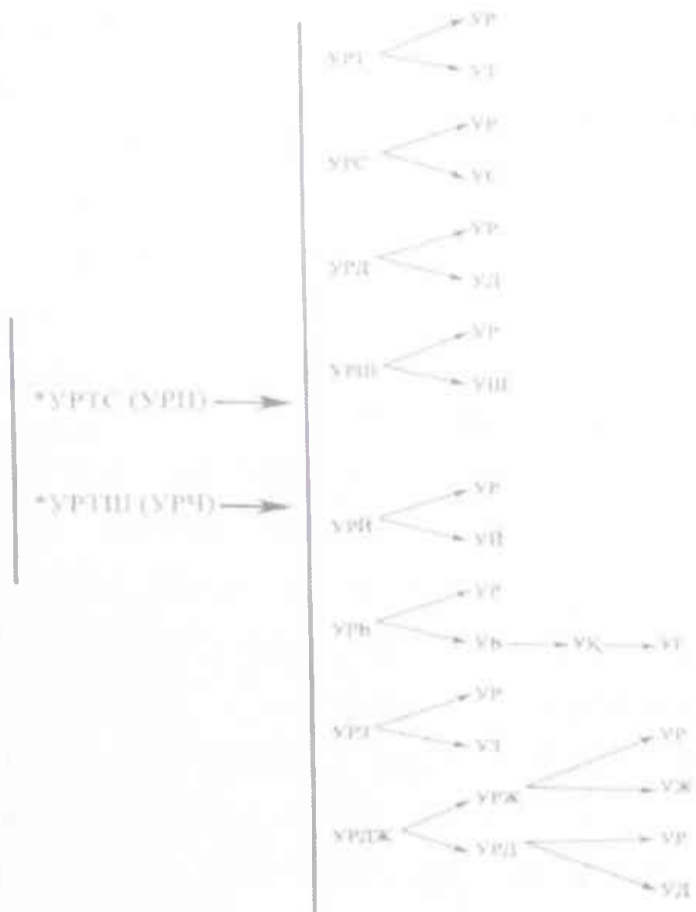
үрт+та – “набрать в рот глоток (воды и др. жидкости)”.

Из списка видно, что слова, за исключением глагола “үртта-”, состоят из трех морфем. Древняя форма из параллельно употребляемых слов “бертінде” – “беріде” сохранила сочетание звуков **рт** и древний аффикс наречия (-**ін -де**). Прежняя полная форма аффиксов -**ка// -ке**, присоединенных к вышеприведенным словам – -**қан**: “жұмыртқа”, “томыртқа”, “омыртқа”, “кұмырсқа”, “жоңыршқа”, “кабыртқа”, “шегіртке”. При сравнении их со словами типа “сауысқан” (сорока), “тышқан” (мышь) мы наблюдаем, что звук **н** выпал из их морфологического состава. Если мы восстановим звук **н**, то начинают проясняться потускневшие значения этих слов. Например, морфема “жұм”, которая составляет основу слова “жұмыртқа”, указывает на что-то круглое, шарообразное, “үртқан” (по-современному: ұрған) указывает на нечто круглое находится в определенном статическом состоянии. Таким же образом “том” передает понятие о мерзлоте, холоде, “шег” – “вскакивать, прыгать”, “ом” – “возвышенность”, “күм” – шевелиться, медленно двигаться, копошиться”, “жоң” – “шерсть”, “шем” – “сохнуть, вянуть”, “каб” – “соединять, соединить концы, стиснуть”.

Глаголы, расположенные за корнями, **ырт-//ірт- ырс-//ірс-, ырш-//ірш-** реконструируются в формах **уртс= уртш=**.

Аффрикаты **тс (ц), тш (ч)**, вытекающие из состава глагола ***уртс** (урц), ***уртш** (урч), порождают несколько фонем. Слова сохранившие в своем морфологическом составе звук **р** и его утратившие слова, образуются следующими соответствиями: **р ~ й, р ~ дж, р ~ ж, р ~ д, р ~ т, р ~ г, р ~ з, р' ~ з' (д'з')**. Если объединим все эти соответствия, то получим следующее: **й ~ дж ~ ж ~ д ~ т ~ г ~ з ~ д'з' ~ р**. Иначе говоря, формы вариантов принимают разный вид, в зависимости от того, какой звук из звуко сочетаний ***ртс, *ртш** подвергается речевой экономии. К примеру при произношении выпадает звук **с** или **ш** из состава вышеуказанного сочетания ***уртс, *уртш** и получается **урт=**, при выпадении звука **т**, образуются варианты **урс, урш**. Когда закон речевой экономии действует и в дальнейшем, в языке появляются морфемы **ур =~ ут=~ ус =~ уш**. Схема возможного пути развития звуко сочетаний ***уртс=, *уртш** в теоретическом аспекте такова: Как работала эта модель в практическом отношении – определится, когда все тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки полностью будут изучены в сравнительно-

сопоставительном плане. Мы здесь преследовали только одну цель – показать, что много тех вариантов, которые отпочковались от форм *уртс (урц), *уртш (урч).

Следовательно, чередование сонорного р с аффрикатами дж, д'з', со звуками ж, д, т, г, з не представляет собой соответствие, возникшее на основе генетического родства и однородности их происхождения, оно (это чередование) представляет собой результаты порождения действий закона речевой экономии в течение нескольких эпох и древних времен. По этой же причине мы это называем "случайным соответствием".

Обсуждаемое соответствие звуков тюркологи выводят из фонемы й (j): "Сонант r – последняя

ступень эволюции исходного j. Звукоряд в целом имеет такой вид: j ~ з(дж) ~ љ ~ d ~ t ~ z ~ v ~ r" [7.298]. Мы считаем, что данное предположение не соответствует истине.

Как видно из схемы, звукосочетание *уртс=, *уртш в середине (а также в конце) слова объединяет два вида сочинительных соответствий [а именно соответствий й ~ дж ~ ж ~ д ~ т ~ г ~ з ~ д'з' ~ р и й ~ дж ~ ж ~ т ~ д ~ с ~ з ~ ч ~ ш...]. Из-за подобного рода причудливого переплетения, считается закономерным их сходство друг с другом: "Любопытно, что данный звукоряд (то есть j ~ з(дж) ~ з(ж) ~ d ~ t ~ q ~ z ~ v ~ r. – Б.С.) почти полностью совпадает с начальным (j ~ з(дж) ~ з(ж) ...), кроме сонанта r, появление которого в начале собственно тюркских слов невозможно. Таким образом, один и тот же фонетический закон действовал и в начале, и в середине, и в конце слова" [7.298]. Сонант р отдельно обособляется не из-за того, что он не встречается в начале слова, а из-за того, что он имеет совершенно иную природу. Иными словами, обычно считаемое как отдельное соответствие р ~ з на самом деле одно из звеньев соответствия й ~ дж ~ ж ~ д ~ т ~ г ~ з ~ д'з' ~ р. Поэтому р соответствует любому из этой цепи согласных (р ~ й, р ~ дж, р ~ ж, р ~ д и т.д.).

Пока однородные (генетические) и случайные (негенетические) соответствия рассматриваются в условиях, где они не дифференцируются между собой и не отделяются друг от друга, неизбежно допускаются разного рода заблуждения и ошибочные заключения. И нам остается надеяться на то, что наши изыскания восполнят этот пробел.

Теперь о соответствии л ~ ш. Прежде всего отметим, что это – самое

прозрачное случайное соответствие. Заключение о том, что глухой ш появился из сонанта л – ошибочное. Совершенно не соответствует между собой их акустическо-артикуляционное естество. Поэтому они не могут чередоваться друг с другом.

Тюрколог А.Г.Биишев был самым первым, кто обратил внимание на то, что данное соответствие создает ложное представление как однородное (генетическое). Он писал следующее: “Исключительная непоследовательность или ограниченность соответствия -л//ш наталкивает на мысль о том, что звуки -л и -ш являются не результатом фонетического перехода, а самостоятельными элементами” [17.44-45]. На вопрос “как это соответствие л ~ ш появилось?”, он отвечает следующим образом: “... первоначально были односложные корни с гласным в конце и были именные аффиксы: в монгольских языках -л, в тюркских -ш, которые как формы имен действия сохранили свою активность до настоящего времени. От односложных корней в прамонгольскую и пратюркскую эпоху аффиксы -л и -ш образовали имена и застыла в составе этих слов, вызвав так называемое соответствие -л//ш” [17.44-45].

Однако, А.Г.Биишев не мог привести языковой факт, доказывающий его мысль. Он перечисляет те слова, к которым присоединяются аффиксы: -л в монгольском языке (например, дуса+л “капля”) и -ш в башкирском языке (например, алы+ш- “драться, хватать друг друга”). Безусловно, подобные сопоставления, конечно, не могут убедить научную общественность. Присоединяясь к выводу ученого, приведем исторические данные с целью оживить его мнение:

тал түс – “самый полдень”;

талма талтүс – “точный полдень”;

тас төбе – “темя”;

тана тал түс – “самый полдень”;

тап – “точь в точь, именно, как раз, совершенно”;

дәл – “точно, именно, как раз”;

дәп – “точно, как раз”;

дәлме-дәл – “точно, как раз, точь в точь, соответственно”.

Слова, превратившиеся в архаизмы в тюркских языках “тал” и “тас” встречаются только в составе фразеологизмов (“тал түс”, “тас төбе”). Семантику сочетания “талма тал” в фразеологии “талма тал түс” сохранил его мягкий передязычный вариант “дәлме-дәл”. Сравнивая между собой древние формы “тап”, “тал”, “тас”, можно догадаться, что они однокорневые и сходные по значениям. Они делятся на корни и аффиксы следующим образом: та+п, та+л и та+с. Лексическое их значение передается через корень та, а форманты -п, -л, и -с передают этому корню различные грамматические нюансы. Следовательно, вывод, сделанный А.Г.Биишевым, соответствует истине.

Слово “тас” (камень различных размеров, оттенков и объема) в казахском языке чувашки называют чул, представители языков огузской

группы говорят *даш*. Это и приводится как пример по поводу соответствия *л ~ ш*. Если сравнить форму “*тас*” со словом “*тау*” то обнаруживается, что она делится на две части: *та+у* (или *та+г*), *та+с*. Превращение корня “*та*” в форму *чу* в чувашском языке – факт, обоснованный в научном аспекте. Следовательно, и это слово *чул* в чувашском делится, на две части: *чу+л*, а форманты *-к (-г)*, *-с*, *-л* представляют собою аффиксы. В настоящее время значения как корня, так и аффиксов настолько затемнены, что они все вместе предстают перед нами как одно целое.

Одним из слов, которые образуют соответствие *л ~ ш*, считается: чув. *алак* (ворота) ~ туркм. *ішік* (дверь) [9.87]. Они образованы из разных корней. Древней основой слова “*алак*” является **тілік* (разрез, прорез), древней основой слова “*есік*” представляется **тесік* (дыра, дырявый). Человечество когда-то не знало как сколачивать дверь. Оно входило через отверстие пещеры и жило в природно-естественных жилищах. Впоследствии, когда оно дошло до уровня построения домов, по закону аналогии “*есік*” (входную дверь) сначала называли “*тесік*”.

В седой дали эволюции звук *т* больше всего опускался при произношении. Точнее: в процессе употребления, с течением времени, звук *т* подвергся сокращению в составе слов “*тесік*”, “*тілік*”. Возможно, этому способствовало произошедшее изменение в их семантике. Слово “*тілік*” (*талак ~ алак*) является синонимом слова “*тесік*”. Пустота (выемка) появляется благодаря разрезу (порезу), т.е. “*тесік*” получается благодаря “*тілік*”. В первом слове преобладает объективное значение, а во втором – субъективное значение. В этом только заключается различие между ними.

Общее количество слов, составляющих соответствие *л ~ ш*, подобранных из тюркских и монгольских языков, не превышает пределы 15-20 слов. При внимательном анализе, как это мы делали выше, выясняется, что все они, без исключения, образованы либо из разнородных слов, либо путем присоединения разнородных аффиксов к корням определенных слов.

Невозможно не учитывать еще и такое явление. В бурятско-монгольском языке действует соответствие *р ~ л*. Значения некоторых слов никак не страдают от того, что их произносят как с *л*, так и с *р*. Например, *суурян ~ сууляан* (громкий, ясный звук), *аршуур ~ аршуул* (тряпка), *үргэн ~ үлгэн* (ширина, ширь, широкий) [18.112]. Подобного рода соответствие имеется и в тюркских языках: *үлкәр* (Плеяды) [12.625] ~ *үркер* (казах.); *Түлкібас ~ Түркібасы* (топоним). Возможно, что среди слов, образованных по соответствию *л ~ ш*, имеют место и такие слова, которые были образованы путем *л* из *р*. В таком случае это, возможно остаток вышесказанных соответствий *р ~ з* и *р ~ ш*.

Соответствия *Ғ ~ У*, *Ғ ~ Й*. Наряду с другими соответствиями в учебниках для высших учебных заведений по курсу “Историческая грамматика казахского языка” указываются и эти соответствия: “Звук *ғ* в

середине слова в казахском языке переходит в у: *агыр* (тяжелый), *агыз* (рот), *багыр* (печень), *агна* (повалиться, переворачиваться с боку на бок, перевернуться) в казахском озвучиваются как *ауыр*, *ауыз*, *бауыр*, *ауна*. Судя по некоторым фактам, в нем был в частности и переход г в й: *багла* => *байла* = (связать, привязать), *йыгыл* => *жыгыл* (пасть, упасть), *йығырыл-жыйырыл* – (сжиматься, съеживаться) и др.” [16.59]. Ученый далее замечает, что переход г в неслогообразующий звук у является основным показателем данного соответствия, тогда как переход г в й редко встречается.

На соответствия г ~ у, г ~ й Б.Серебренников и Н.Гаджиева приводят из других тюркских языков следующие примеры: г ~ у: *агыз (рот) тат. *ауыз*, карач.-балк. *аууз*; *багыр тат. *бауыр*, кум. *бауур*; *йагу (враг) узб. *јаҒ*, уйг. *јау*; *тоғ- (рождаться) к. калп. *түүды* (родила), ног. *түүдыр-* (порождать); г~й: *согук (холод) азерб. *сојук*; *бағ- ног. *бајла-* (вязать), карач.-балк. *бајла-*, тат. *бәлә-* [19.45-46].

Фонема г – артикулируется так: самая задняя часть языка (впереди основания языка) поднимается к наиболее задней части мягкого неба и сближается с ней, образуя узкую щель. Кончик языка в это время опущен вниз и лежит, касаясь задней стороны нижних зубов. Он – шумный щеловой глубокозаднеязычный звонкий. У – щеловой губно-губной сонорный. Фонема й образуется подъемом средней части языка к средней части твердого неба, спирант, сонорный [11.47, 56, 60].

Следовательно, эти звуки, непохожие между собой по акустико-артикуляционным данным представляют собою разнородные фонемы.

Весьма прост тот механизм, который указывает на соответствие в вышеприведенных вариантах подобным переходом г в у. *Қағун* (дыня) [12.406]; В первую очередь г выпадает из морфологического состава этого слова: *қаун*, но в казахском языке не употребляется такой слог с губным гласным в конце слова (+ун), поэтому между звуками у и н вклинивается эпентеза ы: *қауын*. Это – всего навсего влияние явления речевой экономии: звуки перестроились, иначе говоря, у передвинулся на место г и появилась эпентеза ы. Следовательно, звук г не имел случая чередования с у. *Қырағу* (иней, изморозь) [12.445]; это древнетюркское слово в нашем языке установилось таким образом: из-за отсутствия последующего за собой звука, у не нуждается в наличии эпентезы, по этому он просто передвинулся на место выпавшего г. Тогда получается *қырау*.

бузағ – “теленок” [12.130];

бузағу – “теленок” [12.130];

бұзау – “теленок” (в казах. яз.);

Слово “бузағу” в древнетюркском языке показывает как образовалось слово “бұзау” в казахском языке, тогда как слово “бұзағ” наряду с “бұзау” образует соответствие г ~ у. Видя то, что определенные звуки соответствуют друг другу, ошибочно сказать, что звуки г и у чередуются между собой. Это

следует понимать как простое случайное соответствие, образованное, под действием закона речевой экономии.

Соответствие г ~ й, возможно тоже образовалось вследствие такого комбинаторного перемещения, но все-таки в этом образовании преобладает доля другой закономерности. В древних и последующих периодах тюркских языков звук й заменил собой последний звук односложного корня и аффиксов сплошь и рядом. Данное соответствие тоже относится к ряду случайных соответствий.

Однородные и разнородные соответствия до сих пор не были в тюркологии классифицированы и сгруппированы между собой и это привело к допущению подобного рода теоретических ошибок. Предположение, что совершенно разные по природе фонемы переходят друг в друга и дискуссия с целью доказать то, как они переходят, по нашему мнению, имели место потому, что не было обращено внимание в достаточной мере на оптимальный методический прием. Новый взгляд, новое объяснение может служить, как мы считаем, причиной пересмотра и изменения ряда тюркологических концепций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М., Л., 1951.
2. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. I. М., 1955.
3. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
4. Абдуллаев А.З. Советская тюркология. 1984, №2.
5. Федотов. Советская тюркология. 1984, №1.
6. Серебrenников Б.А. Советская тюркология. 1971, №1.
7. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.
8. Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953.
9. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
10. Серебrenников Б. А. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков // Вопросы языкознания, 1960, №4, М.
11. Аралбаев Ж. А. Вокализм казахского языка // (Очерки по экспериментальной фонетике и фонологии). А., 1970.
12. Древнетюркский словарь. М., -Л., 1969.
13. Толковый словарь казахского языка. 1985.
14. Ахметьянов Р. Г. К вопросу о природе звуковых переходов в тюркских языках (О переходе г ~ з). // Вопросы языкознания, 1961, №6.
15. Русско-казахский словарь. II. 1978.
16. Томанов М. Қазак тілінің тарихи грамматикасы. А., 1981.
17. Бишнев А. Г. Соответствие -л//ш в алтайских языках. // Филологический сборник. Ученые записки НИИ при Совете Мин. Чувашской АССР, вып. XXVIII. Чебоксары, 1965.
18. Бертагаев Т. А. Флексия основ в агглютинативных языках. // Сборник трудов по филологии Бурят-монгольского государственного научно-исследовательского института культуры и экономики, вып. I. Улан-Удэ, 1948.

19. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988.

Сокращения

СТ – Советская тюркология

ДТС – Древнетюркский словарь

ҚТТС – Толковый словарь казахского языка

ОКС – Русско-казахский словарь

RESUME

Sagyndykuly B. (Almaty)

History of development of diverse conformity in Turkic languages

In article is stated the history of development of diverse conformity in Turkic languages.